

Програма
УСПІШНІСТЬ ДЕРЖАВИ І ПОЛІТИЧНА РАЦІОНАЛЬНІСТЬ

м. Сімеїз, 1 червня 2009 року

9:00 – 10:45 **Частина 1. Держава: проект з початком і кінцем**

Питання до розгляду:

- Уявлення про життєвий цикл держави
- Трансформації державного устрою: від імперій до національних держав і далі
- Фактори, що визначають «час життя» держави та напрями розвитку
- Чи можна впливати на процеси занепаду державних інститутів? Можливості і обмеження раціонального планування.

Література:

1. Найэл Фергюсон, Імперія: термін придатності обмежено. --- с. 2
2. Крейг Калхун, Виникнення сучасної держави. --- с. 8
3. Арнольд Тойнбі, Універсальні держави. --- с. 10
4. Даглас Норт, Траєкторії інституційних змін. --- с. 12
5. Джеймс Скотт, Благими намірами держави. --- с. 16

11:15 – 13:00 **Частина 2. Критерії оцінки неуспішності держави**

Питання до розгляду:

- Обговорення критеріїв вимірювання стабільності держав
- Поділ на чотири групи
- Постановка завдань:
 - проаналізувати фактори, що визначають стабільність держави
 - обрати п'ять ключових факторів для сталого розвитку України
 - підготувати стратегію забезпечення України сталим розвитком за обраними п'ятьма напрямками

Література:

1. Рейтинги успішності держав і ризик занепаду. --- с. 29
2. Індекс політичної нестабільності. --- с. 32

14:15 – 16:15 **Частина 3. Презентація стратегій розвитку України**

Презентації груп. Обговорення результатів.

Имперские государства середины 20 века во многом сами вырыли себе могилу

- 5 Империи - локомотивы истории. Но в прошлом столетии они оказались весьма недолговечными - ни одна империя не увидела начала нового века. Сегодня на политической карте империй нет - по крайней мере, официально. Но эта ситуация может скоро измениться, если США - и даже Китай - последуют зову своей имперской судьбы. Смогут ли они избежать участи, постигшей предшественников?
- 10 Ход событий в мире всегда определяли империи, а не национальные государства. То, что мы называем историей человечества, во многом - летопись деяний 50-70 империй, в разное время правивших обширными пространствами и множеством народов в разных регионах планеты. Однако со временем их "срок жизни" стал снижаться. По сравнению с предшественницами в период античности, средневековье и новое время, империи
- 15 прошлого столетия оказались на удивление недолговечными. Сокращение "жизненного цикла" империй оказывает глубокое влияние и на события наших дней.
- Официально империй сегодня не существует - есть только 190 с чем-то "обычных" государств. Однако призраки империй прошлого все еще бродят по планете. Региональные конфликты на разных континентах - от Центральной Африки и Ближнего
- 20 Востока до Центральной Америки и Востока Дальнего легко - а часто и демагогически - объясняются прегрешениями прежних империй: там границу неправильно провели, здесь посеяли межэтническую рознь, следуя принципу "разделяй и властвуй".
- Более того, во многих влиятельных государствах сегодняшнего мира безошибочно угадываются черты породивших их империй. Возьмем Российскую Федерацию: русские
- 25 составляют менее 80% ее населения. А Великобритания и сегодня по сути представляет собой "империю англичан". Современные Италия и Германия рождены не национальными движениями, а экспансией Пьемонта и Пруссии. Еще нагляднее наследие империй проявляется за пределами Европы. Нынешняя Индия, например, во
- 30 многом сформировалась в эпоху Великих Моголов и британского колониального правления. (Один индийский офицер как-то сказал мне: "Армия Индии сегодня более "английская", чем британская армия". Когда мы проезжали через военный городок в Мадрасе, я понял, что он прав: сотни затянутых в хаки пехотинцев при виде офицера вытягивались в струнку и отдавали честь). Сегодняшний Китай - прямой потомок
- 35 Срединного Царства. В Новом Свете наследие империй заметно от Канады на Севере до Аргентины на юге: в Канаде официальным главой государства остается британский монарх, а Фолклендские острова до сих пор принадлежат Англии.
- Одним словом, в сегодняшнем мире бывшие империи или их колонии занимают такое же место, как и национальные государства. Даже организации, созданные в 1945 г. для
- 40 переустройства международной системы, несут явный имперский отпечаток. Разве институт постоянных членов Совета Безопасности ООН не напоминает "джентльменский клуб" бывших империй? И что такое "гуманитарные интервенции", если не более политкорректная формулировка понятия "цивилизаторской миссии" прежних империй Запада?

¹ Переклад статті за: <http://www.inosmi.ru/translation/230004.html>

Сколько "живут" империи?

Принято считать, что "жизненный цикл" империй, великих держав и цивилизаций подчиняется неким предсказуемым закономерностям. Однако больше всего в империях прошлого поражают громадные различия не только в размерах их владений, но и в продолжительности существования. Особенно примечателен тот факт, что "жизнь" современных империй оказывается куда короче, чем у их античных и средневековых предшественниц.

5
10
15
Взять хотя бы три Римские империи. Западная Римская империя возникла в 27 году д.н.э., когда Октавиан назвался Цезарем Августом и стал императором по всем признакам, кроме самого этого титула. Ее конец наступил со смертью императора Феодосия в 395 г., когда Константинополь официально превратился в "конкурирующую" столицу римского государства: таким образом, она просуществовала 422 года. В этот же момент родилась Восточная Римская империя, которая продержалась 1058 лет - до разгрома Византии турками-османами в 1453 г. Священная Римская империя существовала с 800 г., когда был коронован Карл Великий, до 1806 г., когда Наполеон забил в ее гроб последний гвоздь. Таким образом, "средняя продолжительность жизни" для Римских империй составляет 829 лет.

20
25
Подобные расчеты, при всей своей приблизительности, позволяют сравнить "жизненные циклы" различных империй. Три Римские империи в этом смысле оказались "долгожителями". Так, средний показатель для ближневосточных империй (Ассирии, государства Аббасидов, Османской империи) составляет чуть больше 400 лет, в Египте и Восточной Европе империи существовали в среднем по 350 лет, для Китая - если выделить каждую из основных династий в отдельный "имперский цикл" - аналогичная цифра равна 300 с лишним годам. Различные империи в Персии, Индии и Западной Европе "жили" в основном от 200 до 300 лет.

30
После взятия Константинополя дольше всех просуществовала, несомненно, Османская империя - 469 лет. Восточноевропейские империи Габсбургов и Романовых продержались по три с лишним столетия. Великие Моголы правили большей частью нынешней Индии 235 лет. Почти столько же длилось царствование династии Сафавидов в Персии.

35
Точная датировка "морских" империй с метрополиями в Западной Европе - задача более сложная, поскольку относительно хронологии их существования существуют разные точки зрения. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что британская, голландская, французская и испанская империи продержались примерно по 300 лет, а португальская - почти 500.

40
45
Империи, возникшие в 20 веке, напротив, имели сравнительно короткий "жизненный цикл". Большевицкий СССР просуществовал менее 70 лет (1922-1991 гг.) - по историческим меркам, совсем недолго; впрочем, Китайская Народная Республика еще не преодолела даже этого рубежа. Японская колониальная империя - начало ей было положено присоединением Тайваня в 1895 г. - едва протянула полвека. Самой недолговечной из империй 20 столетия оказался гитлеровский Третий Рейх: его экспансия за пределы границ Германии началась в 1938 г., но уже к началу 1945 г. он был изгнан со всех захваченных территорий. Формально Третий Рейх просуществовал 12 лет, но империей в подлинном смысле - т.е. государством, управляющим другими народами - он был лишь половину этого срока. Лишь Бенито Муссолини оказался еще более незадачливым "империалистом", чем Гитлер.

Почему империи 20 века оказались столь непрочными? Ответ отчасти связан с их стремлением к беспрецедентной централизации власти, контролю над экономикой и социальной однородности.

5 Новым империям, возникшим после Первой мировой войны, не удовлетворяла эффективная, но импровизированная административная система, характерная для традиционных колониальных империй, в том числе беспорядочное смешение имперских и местных законов и делегирование определенных полномочий и статуса некоторым коренным этническим группам в колониях. От строителей национальных государств в 19 веке они унаследовали ненасытную жажду единообразия; в результате эти образования скорее можно определить как "имперские государства", а не классические империи. 10 Новые империи отбросили традиционные религиозные и правовые нормы, ограничивавшие государственное насилие. Они упорно строили на месте существующих социальных структур новую иерархическую систему, с наслаждением ломали старые политические институты. Но главное, они превратили жестокость в высшую добродетель. Преследуя свои цели, они вели "тотальные" войны, направленные не только против вооруженных и специально обученных представителей государства-противника, но и против целых социальных или этнических групп. Вот один факт, типичный для нового поколения "кандидатов в императоры": Гитлер обвинял британцев в "мягкотелости" по отношению к индийскому национальному движению.

20 Имперские государства середины 20 века во многом сами вырыли себе могилу. Немцы и японцы утверждали свою власть над другими народами с такой жестокостью, что полностью подорвали возможности сотрудничества с местным населением и создали предпосылки для развертывания Движения сопротивления. Это была опрометчивая политика, ведь многие из тех, кого державы Оси "освободили" от прежних правителей (Сталина в Восточной Европе, европейских империй в Азии) поначалу приветствовали новых хозяев. В то же время территориальные амбиции этих имперских государств были настолько безграничны - а их общая стратегия настолько иллюзорна - что они очень быстро породили несокрушимую коалицию империй-соперниц - Британии, США и СССР.

30 *Почему мы воюем*

Империя не способна просуществовать долго, если у нее нет долгосрочной опоры среди местного населения, или она допустит объединение империй-соперниц во враждебную коалицию, превосходящую ее по силам. Важнейший вопрос заключается в следующем: изменилось ли поведение сегодняшних мировых держав по сравнению с их предшественницами-империями? 35

Публично лидеры американской и китайской республик отрицают наличие у них каких-либо имперских устремлений. Оба государства родились в ходе революций, и имеют давние "антиимпериалистические" традиции. Но в какие-то моменты маска сбрасывается. Так, открытки, которые рассылал знакомым на Рождество 2003 г. вице-президент США Дик Чейни содержали красноречивую цитату из Бенджамина Франклина: "Если воробей не упадет на землю, чтобы Господь этого не заметил, возможно ли возникновение империи без Его помощи?". В 2004 г. один высокопоставленный советник президента Буша заметил в разговоре с журналистом Роном Зюскиндом: "Мы теперь - империя, и своими действиями мы формируем рукотворную реальность. . . Мы движем историю". Возможно, подобные мысли приходят и к китайским лидерам. Но даже если этого не происходит, ничто не мешает республике на практике вести себя "по-имперски", продолжая клясться в верности республиканским добродетелям. 45

По историческим меркам США - еще очень молодая империя. Ее экспансия на самом американском континенте в 19 веке носила неприкрыто империалистический характер. Однако относительная легкость, с которой первоначальная федерация штатов поглощала обширные, но малонаселенные территории, препятствовала формированию подлинно имперского менталитета и не создавала каких-либо проблем для существования республиканских политических институтов. И напротив, заморская экспансия США, началом которой можно считать Испано-американскую войну 1898 г., сопровождалась куда большими трудностями и именно по этой причине в этот период на горизонте не раз появлялся призрак превращения президентского кресла в "императорский трон". Если оставить за скобками Американское Самоа, Гуам, Северные Марианские острова, Пуэрто-Рико и Американские Виргинские острова, которые стали зависимыми территориями США на постоянной основе, американские интервенции за рубежом как правило продолжались сравнительно недолго.

В 20 веке США оккупировали Панаму в течение 74 лет, Филиппины - 48 лет, острова Палау - 47 лет, Микронезию и Маршалловы острова - 39 лет, Гаити- 19 лет, и Доминиканскую республику - 8 лет. Официальная оккупация Западной Германии и Японии после Второй мировой войны продолжалась, соответственно, 10 и 7 лет, хотя в этих странах, как и в Южной Корее, до сих пор дислоцируются американские войска. Кроме того, начиная с 1965 г. внушительный американский контингент был направлен в Южный Вьетнам, однако уже к 1973 г. он был выведен.

Подобный исторический опыт подкрепляет распространенное мнение о том, что американское военное присутствие в Ираке и Афганистане после окончания президентского срока Джорджа У. Буша не продлится долго. Сегодняшние империи - особенно если они не признают себя таковыми - непрочны, но по особым причинам, отличающим нашу эпоху от предыдущих.

В случае с американской империей ее эфемерность связана в первую очередь не с враждебностью покоренных народов или угрозой со стороны держав-конкурентов (что становилось причиной распада других империй 20 столетия), а с внутривнутриполитическими ограничениями. Эти ограничения проявляются в трех главных формах. Первую можно назвать "дефицитом войск". Когда в 1920 г. Британия успешно подавила крупное восстание в Ираке, она ввела туда внушительный контингент: на каждых 23 жителей страны приходился 1 британский солдат. Сегодня США явно не способны обеспечить подобное соотношение сил: на одного американского солдата приходится 210 иракцев.

Проблема, вопреки бытующему мнению, не носит чисто демографического характера. В Соединенных Штатах здоровых молодых людей хватает (по численности мужчин в возрасте от 15 до 24 лет они во много раз превосходят Ирак или Афганистан). Дело в том, что численность вооруженных сил США составляет очень небольшую долю населения - 0,5%. Кроме того, участие в боевых действиях на заморских театрах принимает лишь небольшая, наиболее подготовленная часть этих вооруженных сил.

Солдат из элитных частей слишком берегут, чтобы без колебаний посылать их на смерть. Да и заменить погибших непросто. Каждый раз, когда я читаю в газетах о трагической гибели в бою очередного американского солдата, на память приходят строки Редьярда Киплинга - величайшего из британских "имперских" поэтов:

Случайный бой в Афганистане,
В ущелье гор сырой рассвет,
В две тысячи образований

Свалил джезайл за пять монет –

Краса и гордость эскадрона

В седле подстрелен как ворона.

["Арифметика афганской границы", перевод Ф. Толстого]

5 Вторым сдерживающим фактором для американской "неофициальной" империи служит бюджетный дефицит США. Расходы на войну в Ираке оказались куда больше, чем прогнозировала администрация: с начала вторжения в 2003 г. они уже составили 290 миллиардов долларов. По отношению к объему ВВП США эта цифра выглядит не столь уж впечатляющей - всего 2,5%, но выделить больше средств на ускоренное послевоенное
10 восстановление Ирака казна оказалась не в состоянии, а ведь это могло бы предотвратить разгорающуюся в стране гражданскую войну. Другие приоритетные расходы - например, финансирование обязательств государства в рамках системы Medicare - не позволили реализовать План Маршалла для Ближнего Востока, на что так надеялись некоторые иракцы.

15 Наконец, и это, пожалуй, самое важное, американское общество воспринимает имперскую политику без энтузиазма. Империи прошлого без труда обеспечивали общественную поддержку даже самых продолжительных военных конфликтов. Их потомок - Соединенные Штаты - подобные навыки явно утратил. Уже через полтора года после вторжения в Ирак большинство американских избирателей, по данным опросов
20 социологической службы Gallup, считало его ошибкой. Для сравнения, разочарование во Вьетнамской войне достигло таких же масштабов лишь в августе 1968 г. - когда с момента ввода в страну крупного американского контингента прошло уже три года, а потери США убитыми приближались к 30000 человек.

25 Существует масса гипотез, призванных объяснить сокращение "жизненного цикла" империй в нашу эпоху. Некоторые утверждают, что из-за вездесущности новостных СМИ потенциальные "императоры" уже не в состоянии тайком злоупотреблять властью. Другие настаивают, что передовые военные технологии больше не дают Соединенным Штатам неоспоримого преимущества: самодельные фугасы - подобно примитивным
30 ружьям-джезайлам "за пять монет" во времена Киплинга - сводят его к нулю, поскольку мощнейшее и ультрасовременное оружие для борьбы с партизанами зачастую просто непригодно.

Однако подлинные причины непрочности - да и самой "неофициальности" - современных империй связаны не с этим. Нравится нам это или нет, но империи становятся движущей силой истории, поскольку этот формат позволяет обеспечить
35 "эффект масштаба". Так, большинство национальных государств может поставить под ружье лишь ограниченное число людей. Империя же в этом плане обладает большей "свободой рук": одна из ее важнейших функций - мобилизация и оснащение мощных вооруженных сил, состоящих из представителей многих народов, а также сбор налогов и обеспечение займов для их финансирования - опять же подкрепляемых ресурсами
40 многочисленных колоний.

Но зачем вообще нужны эти войны? Ответ опять же связан с экономикой. Среди "эгоистических" целей имперской экспансии - жизненная необходимость обеспечить безопасность метрополии за счет разгрома внешних врагов, пополнение казны за счет налогов и прочих платежей, взимаемых с покоренных народов, ну и, конечно,
45 материальные "трофеи" - новые земли для колонизации, сырьевые ресурсы, драгоценные металлы. Чтобы оправдать расходы на завоевание и колонизацию новых земель, империя, как правило, должна получать все указанные ресурсы по более низким ценам,

чем это возможно в ходе свободного товарообмена с независимыми народами и другими империями.

5 В то же время империя зачастую обеспечивает своих граждан "общественными товарами" - т.е. благами, распространяющимися не только на самих колонизаторов, но и на покоренные народы - да и третьи страны тоже. Это могут быть мир и порядок в том смысле, который мы вкладываем в понятие Pax Romana, рост торговли и инвестиций, совершенствование образования (порой, но не всегда, связанного с обращением в ту или иную религию), или улучшение материальных условий жизни.

10 Имперское правление держится не только на штыках. Не только солдаты, но и гражданские служащие, поселенцы, общественные организации, бизнесмены и местные элиты разными способами обеспечивают на периферии исполнение решений центра. Кроме того, преимущества империи распространяются не только на ее правителей и их "клиентов". Колонисты из малообеспеченных слоев населения метрополии также зачастую пользуются ее благами. Даже для тех, кто не отправляется за море, победы имперских легионов в чужих землях становятся предметом гордости. Среди тех, кому империя приносит выгоды, зачастую оказываются и местные элиты в колониях.

20 Таким образом, империя возникает и существует, если в глазах самих империалистов выгода от правления другими народами превышает связанные с этим издержки, а в глазах самих покоренных народов выгоды от подчинения иностранной державе перевешивают "издержки", связанные с сопротивлением колонизаторам. Косвенно в подобных расчетах фигурирует и "упущенная выгода" в случае передачи другой империи власти над той или иной территорией.

25 С учетом всего этого можно сказать, что сегодня издержки, связанные с управлением Ираком и Афганистаном представляются большинству американцев "чрезмерными", преимущества - в лучшем случае сомнительными, и к тому же ни одна конкурирующая империя не может или не желает испытать там собственные силы. А поскольку республиканские институты Америки, пусть и подвергаются давлению, но остаются в неприкосновенности, сегодняшние Соединенные Штаты мало напоминают Рим 1 века д.н.э. Да и нынешний президент, хоть он и стремится расширить полномочия исполнительной власти, на Октавиана не тянет.

30 Однако все это может измениться. На нашей все более перенаселенной планете, где рано или поздно неизбежно возникнет дефицит некоторых видов сырья, сохраняются все главные предпосылки имперского соперничества. Посмотрите, с какой энергией Китай в последнее время добивается "особых отношений" с богатыми сырьем странами в Африке и других регионах. Или задайте себе вопрос: даже если в Америке возобладает "неоизоляционизм", как долго она сможет самоустраняться от событий в мусульманском мире перед лицом новых атак исламистских террористов?

40 Признаем: сегодня империи не только стесняются называться таковыми, но и не пользуются "спросом". Однако опыт истории говорит о том, что завтра маятник баланса сил может снова качнуться и их сторону.

5 «Современность» государств, которые возникли в Европе особенно в эпоху
абсолютистских монархий, проявлялась прежде всего в их более широких
административных возможностях, объединении территорий вокруг единых
административных центров, замене старых форм «непрямого правления» (от откупа до
10 простого делегирования власти феодальной знати) все более прямым контролем над
вмешательством в несопоставимые территории и населения, опоре на народное
политическое участие, способности мобилизовать граждан на войны и поддержании
четких границ вместо размытых рубежей. Основная задача проекта формирования
государства заключалась в «умиротворении» жизни в границах государства, и
15 осуществление государством своей монополии на насилие — или по крайней мере
легитимное насилие — стало основным принципом политической теории. Тем самым
был брошен вызов насилию квазиавтономных сил, вроде средневековых господ, а также
бандитов, разбойников и других преступников. Но, хотя государства стремились
устранить такие формы ранее существовавшего негосударственного насилия, они также
создали новые формы и механизмы насилия. Они проводили все более эффективные
мобилизации для внешних войн и при этом стремились не только к установлению
20 внутреннего мира, но и к созданию однородного и покорного национального населения.
Для этого они использовали — по крайней мере предположительно — легитимную силу
полиции и других государственных органов. И государственные органы прибегали не
только к физической силе, но и к символическому насилию. Они дисциплинировали
население внутри страны при помощи образовательных программ и помощи беднякам,
25 религиозных классификаций и тестов на интеллект, криминального учета и проводимой
государством этнической стигматизации. Появление сплоченных политических и
культурных сообществ, которые принято называть нациями, было во многом связано с
возникновением таких государств.

Межгосударственный конфликт сыграл важную роль в изменении формы и роли
30 государств. Военная мобилизация с целью внешней войны способствовала росту
внутренней интеграции, смешивая людей из различных областей, провинций и
социокультурных сред и прививая национализм при помощи идеологической обработки
и самих процессов мобилизации, сражений, демобилизации и возвращения к
гражданской жизни. Большое значение имели не только европейские войны, но и
35 конфликты из-за колоний, особенно в XVIII – XIX веках. В то же время нам не следует
ограничиваться одним только межгосударственным измерением, забывая о «внутренних»
процессах формирования государства, связанных с развитием войн. Одной из ключевых
черт современной войны был рост расходов. Новые технологии и увеличение масштаба
конфликтов требовали, чтобы государства отнимали у своих обществ все большие —
40 невиданные прежде — ресурсы. Дело было не только в силе, которая нужна была для
того, чтобы заставить гражданское население расстаться с частью своего богатства, но и
в поддержке гражданского общества, которое нельзя было контролировать полностью,
так как оно служило источником нового богатства. Это также вело к росту
административной интеграции и появлению новых возможностей. Сбор налогов,
45 например, теперь осуществлялся не квазиавтономными феодальными элитами или
откупщиками, а национальным правительством и его бюрократией. Не менее важным,

² Уривок з книги: Калхун К. Национализм / пер. А. Смирнова. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.

чем материальная сила, было знание того, в чем именно было заключено богатство. Поэтому речь следует вести не просто об отождествлении государства с нацией, но и о структурных изменениях, связанных с возникновением современного государства. Последние позволили представить нацию в виде единого целого. Более ранние политические формы не проводили четких границ и не заботились о внутренней интеграции и гомогенизации. Города доминировали над прилегающими областями; иногда особенно сильные города доминировали над сетями других городов с прилегающими к ним областями. Различные военные (и иногда религиозные) элиты, которые мы называем феодальными, правили значительными территориями, но с минимальной централизацией власти и ограниченной способностью оказывать влияние на повседневную жизнь. Хотя империи могли требовать от покоренных народов уплаты дани и иногда способствовать росту взаимодействия между различными подданными, они не требовали культурной гомогенизации.

Современные государства, напротив, занимались охраной границ, введением паспортов и сбором таможенных пошлин. Внутри страны они были озабочены административной интеграцией областей и местностей, которые ранее обладали относительной независимостью. Они не только собирали налоги, но и строили дороги, создавали школы и системы массовых коммуникаций. В конечном итоге государственная власть могла осуществляться в самых отдаленных уголках страны точно так же, как и в столице. Стремление и способность государств управлять отдаленными территориями были обусловлены совершенствованием транспортной и коммуникационной инфраструктуры, с одной стороны, и бюрократии и соответствующего использования информации — с другой. Это было связано с общим ростом масштабных социальных отношений. Социальная жизнь все больше зависела от опосредованных форм — рынков, коммуникационных технологий, бюрократии, которые отдаляли социальные отношения от области прямого взаимодействия лицом-к-лицу.

Экономическое развитие шло рука об руку с формированием государства и расширением этой инфраструктурной интеграции рассеянного населения⁴⁵. Торговля на большие расстояния и региональная дифференциация производства были не менее важными факторами, чем работа правительства в области строительства дорог. Трудовая миграция, связанная с совершенствованием сельскохозяйственного производства, хотя и сравнительно локальная, вела не только к появлению рабочих, необходимых для развития промышленности, но и к размыванию сложившихся политических форм и институтов общества, обеспечивавших поддержание социального порядка. Это, в свою очередь, создавало возможности для более широкого государственного вмешательства в повседневную жизнь людей по всей стране. И, конечно, интеграция экономики на национальном уровне не только связывала вместе рассеянных индивидов и сообщества, но и способствовала установлению единицы идентичности. Но сама по себе экономика как предположительно саморегулирующаяся система обмена не образовывала внутреннего единства торговли внутри страны в противопоставление внешней торговле. И хотя такое различие внутреннего и внешнего во многом зависело от государств, одновременно с организацией рыночных товарных отношений и накопления капитала на национальном уровне происходило установление и международных экономических связей. Международные потоки товаров и капитала могли заметно увеличиться с глобализацией конца XX века, но в целом в них нет ничего нового. Поэтому неверно считать национальные экономики первичными; экономики не являются национальными сами по себе, а определяются в качестве таковых государственными границами и политикой, географией и физической инфраструктурой.

5 Отправным пунктом настоящей книги было изучение полей исторического исследования, которые бы сами по себе обладали умопостигаемостью в рамках некоторого фиксированного Пространства и Времени. Путем эмпирического анализа мы пришли к обнаружению самостоятельных единиц, которые мы назвали цивилизациями. Затем мы приступили к сравнительному изучению генезисов, роста, надломов и распадов двадцати одной цивилизации, которые нам удалось идентифицировать на материалах 10 обзорной и документированной истории Человечества.

Следует признать, что время от времени мы сталкивались с определенными трудностями, что наводит на мысль, что избранный нами ключ не может открыть все двери на пути нашего интеллектуального поиска.

15 Уже с самого начала, идентифицируя представителей различных видов обществ, мы обнаружили, что некоторые цивилизации были связаны между собой нитями более прочными, чем обычные связи, позволяющие относить общество к тому или иному виду. Мы определили это родство как сыновне-отеческие отношения и, проведя некоторый анализ, обнаружили, что общество в процессе своего распада вычленяет из своего тела 20 такие социальные продукты, как доминирующее меньшинство, внутренний и внешний пролетариат. Было выяснено, что доминирующее меньшинство способно дать философию, которая иногда вдохновляет строителей универсального государства, тогда как внутренний пролетариат порождает высшую религию, которая стремится оформиться во вселенскую церковь, а внешний пролетариат оставляет за собой героические века, сотканые из трагедий варварских военных отрядов.

25 Универсальные государства, вселенские церкви и героические века, таким образом, встречаются не только в современности, но и в разные периоды человеческой истории. Они навязывают цивилизациям отношения более тесные и более индивидуальные, чем отношения, позволяющие отнести ту или иную цивилизацию к тому или иному виду. Отсюда вытекает вопрос, оправданно ли в таком случае изучать эти исторические 30 феномены просто как побочные продукты разложения одной цивилизации, предполагая при этом, что сама цивилизация - единственная цель исторического исследования, не требующая специального обоснования? Теперь, когда мы обнаружили, что универсальные государства, церкви и героические века не могут быть поняты внутри исторического периода развития единственной цивилизации, мы не должны исследовать 35 их, ограничиваясь собственными характеристиками, полагая, что они общезначимы или по крайней мере достаточны.

Итак, без каких-либо предварительных замечаний мы проанализируем цели универсальных государств, поставив первый вопрос: является ли цель универсального государства целью для себя или же это средство выиграть состязание с другими?

40 Лучше всего подойти к вопросу, вспомнив некоторые черты универсальных государств, уже рассмотренные нами. Во-первых, универсальное государство возникает после, а не до надлома цивилизаций. Это не лето общества, а бабье лето его - последний всплеск тепла перед сыростью осени и холодом зимы. Во-вторых, универсальное государство -

³ Розділ з книги: Тойнбі А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1993.

продукт доминирующих меньшинств, то есть тех социальных групп, которые когда-то обладали творческой силой, но затем утратили ее.

5 Кроме того, универсальные государства обладают еще одной выдающейся чертой - они совпадают с моментом оживления в ритме распада. Именно последняя черта будит фантазию и вызывает благодарность поколений - свидетелей успешного установления универсального государства. Все это создает общую картину универсального государства, которая на первый взгляд может показаться двусмысленной. Универсальные государства - симптомы социального распада; однако это одновременно попытка взять его под контроль, предотвратить падение в пропасть. Упорство, с которым 10 универсальные государства, однажды возникнув, борются за свою жизнь, особенно впечатляет картиной финалов. Анализ разнообразных финалов универсальных государств может быть сведен к следующей схеме:

15 Установлению универсального государства предшествует вторжение чужого общества, в таком случае импульс, зародившийся в социальном теле распадающегося общества и побуждающий его пройти через фазу универсального государства, прежде чем исчезнуть, бывает достаточно силен, чтобы устранить чужеземного агрессора и воспользоваться его институтами и учреждениями.

20 Местное универсальное государство опрокинуто вторжением чужой цивилизации до истощения силы породившего его импульса. Импульс в социальном теле завоеванного распадающегося государства оказывается достаточно сильным, чтобы завершить фазу универсального государства. Иногда удается даже остановить агрессора и использовать его институты вместо разрушенных своих, что позволяет захваченному обществу продлить сроки существования еще на несколько веков, пока оно не обнаружит в себе силы, чтобы изгнать захватчика и установить власть собственного универсального государства. 25 Андское и вавилонское общества имели схожую судьбу. Андское общество использовало институты испанских представителей западного общества, а вавилонское - ахеменидских представителей сирийского общества и селевкидских представителей эллинистического. Сирийское и индское общества продлили сроки своего существования с помощью восстановления своего первоначального универсального государства.

30 Местное универсальное государство терпит неудачу, поскольку период оживления завершен. Иногда импульс бывает достаточно сильным, чтобы реставрировать парализованное местное универсальное государство. Например, эллинистическое, китайское и шумерское государства справились собственными силами, тогда как православно-христианское государство в России - с помощью насильственного 35 внедрения элементов чужой цивилизации.

И наконец, история знает случаи, когда жизнь универсального государства подошла к концу и наступает междуцарствие, а внутренний импульс все еще достаточно силен, чтобы реставрировать умершее универсальное государство. Примером здесь может служить древнеегипетская цивилизация, успешно совершившая свой "посмертный" 40 рывок. Действительно, и после того, как подошел естественный срок кончины, универсальное государство имеет шанс продолжать свое существование.

45 Различные финалы универсальных государств свидетельствуют о неистребимом стремлении сохранить жизнь своих институтов. Универсальное государство обнаруживает явную тенденцию выглядеть так, словно именно оно и есть конечная цель существования, тогда как в действительности оно представляет собой фазу в процессе социального распада.

5 ...Обратимся теперь к двум фундаментальным вопросам общественных, политических и экономических изменений. Во-первых, что определяет расходящееся направление развития (дивергенцию) обществ, политических систем и экономик? И как объяснить выживаемость, в течение длительного периода времени, экономик с устойчиво низкими параметрами функционирования?

10 Если заглянуть в историю достаточно далеко назад, то дивергенция покажется довольно простой для объяснения. Группы и племена сталкивались с различными проблемами, располагая при этом различными ресурсами, человеческим потенциалом и климатическими условиями. Из этого возникли различия в решении общих проблем выживания, включая различия в языке, обычаях, традициях и табу. Нет причин полагать, что решения должны быть сходными, хотя есть основания думать, что с течением

15 времени решения должны становиться все более похожими друг на друга в связи со снижением издержек передачи информации. Однако за десять тысяч лет существования человеческой цивилизации, несмотря на огромное снижение издержек информации и вопреки выводам неоклассических моделей международной торговли о конвергенции, огромные различия между экономиками по-прежнему сохраняются.

20 Это подводит нас ко второму вопросу. Как объяснить выживаемость обществ и экономик с устойчиво низкими параметрами функционирования? Со времен Чарльза Дарвина эволюционная теория оказывает мощное влияние на наше понимание социальной выживаемости, а после публикации статьи Армена Алчяна в 1950 году эта теория заняла прочное место в экономической литературе. Эволюционная теория обосновывает

25 вывод о том, что с течением времени неэффективные институты отмирают, а эффективные — выживают, и поэтому происходит постепенное развитие более эффективных форм экономической, политической и социальной организации.

В этой книге я использовал термин “эффективный” для обозначения таких условий, при которых существующий набор ограничений продуцирует экономический рост. Более

30 конкретно это означает, что те институты, которые помогают участникам обмена получить больше выгод от торговли, будут обгонять в своем росте те институты, которые не дают такой возможности. Результатом станет или переселение людей в страны с более успешными экономиками, или копирование их институтов. Вернемся снова к теореме Коуза: в мире нулевых транзакционных издержек одержит верх эффективное решение,

35 способное продуцировать наибольший совокупный доход. Но поскольку транзакционные издержки не являются нулевыми, можно ожидать формирования различных моделей экономического поведения, отражающих различия в том, насколько успешно конкретная институциональная система снижает транзакционные (и трансформационные) издержки. Но почему же упорно существуют сравнительно

40 неэффективные экономики? Что мешает им воспринять институты более эффективных экономик?...

... В этой главе мы сосредоточили внимание на постепенных институциональных изменениях, происходящих на основе недискретных предельных адаптаций институциональной системы. Акцент на этом типе изменений сделан не случайно. Это

⁴ Уривок з книги: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. – 456 с.

преобладающий способ развития общественных и экономических систем. Но как упоминалось в предыдущей главе, значительное место принадлежит и дискретным институциональным изменениям в результате завоеваний или революций. Однако подобные нарушения институциональной непрерывности лишь подкрепляют мою позицию, потому что упорное выживание институциональных ограничений в условиях радикального изменения формальных правил игры является лучшим доказательством того, что институциональной системе присуща растущая предельная эффективность. Обратимся в качестве примера к революциям, которые в XVIII — начале XIX веков разыгрались в Северной и Южной Америке и привели к независимости стран этих континентов от Великобритании и Испании. Северная Америка с самого начала развивалась совсем по-другому, чем Латинская Америка, что отражало влияние институциональных моделей двух разных стран-метрополий и радикальные различия в идеологиях, которыми руководствовались игроки.

В Северной Америке английские колонии возникли в том самом столетии, когда в Великобритании приближалась к кульминации борьба между парламентом и короной. Религиозные, а также политические конфликты в метрополии переносились и на ее колонии, воплощаясь в идеи и теории, которые получили такое яркое развитие в XVIII веке. В королевских, частных и договорных владениях существовали весьма различные политические структуры, но все они совершенно недвусмысленно эволюционировали в направлении укрепления местного политического контроля и роста значения представительных собраний. Аналогичным образом законодательство о мореплавании включило американские колонии в общую систему имперской политики Великобритании. Но в рамках этой широкой системы колонии имели возможность свободно развивать свою экономику. Иногда жители колоний даже устанавливали более жесткие, чем в Великобритании, правила в отношении прав собственности.

Хорошо известно, что поворотным пунктом в истории США стали война с французами и борьба с индейцами, развернувшиеся в 1756-1763 годах. Попытки Великобритании ввести весьма умеренное налогообложение жителей колоний и ограничить поток переселенцев в Америку вызвали бурную реакцию. Многие жители колоний восприняли английские законы о мореплавании как угрозу процветанию колоний. На самом же деле ущерб от этих законов был незначителен, и резонно предположить, что, останься они в составе Великобритании, английские колонии смогли бы процветать так же, как Канада. Но умонастроение жителей колоний было другим, и деятельность сообразно этим умонастроениям — через посредство конкретных шагов, предпринятых отдельными людьми и организациями — привела к Войне за независимость, Декларации о независимости, Закону о конфедерации, Статуту северо-западных территорий и Конституции США, т.е. к серии институциональных действий, которые породили последовательно развивающийся институциональный процесс. Хотя именно революция создала Соединенные Штаты, дальнейшая история этой страны может быть представлена только в понятиях непрерывности неформальных и, пожалуй, многих формальных институциональных ограничений, возникших еще до революции и перенесенных в послереволюционный период.

Что же касается испанской Вест-Индии, то завоевание этих территорий совпало по времени с упадком кастильских кортесов. В уже существующие аграрные общества (особенно на высокогорьях Мексики и Перу) завоеватели без изменений перенесли испанскую религиозную систему и систему управления. Испанская бюрократия вмешивалась во всю политическую и экономическую жизнь (в этих населенных и богатых регионах вмешательство бюрократии было более жестким и настойчивым, чем если бы речь шла о пустующих землях с кочевым населением). Бюрократический

аппарат периодически сталкивался с кризисами, связанными с проблемами контроля по отношению к чиновникам низших рангов (agency). Хотя при Бурбонах предпринимались попытки ослабить степень централизации бюрократической системы — и они даже привели к некоторой либерализации торговли в рамках империи, эта тенденция была слишком слабой, и бюрократия легко преодолела ее. Постоянной проблемой был контроль над чиновниками низших рангов; она усугублялась стремлением креолов подчинить себе бюрократический аппарат в собственных интересах. Хотя Война за независимость испанских колоний была борьбой между местными элитами и метрополией за контроль над бюрократией — и, следовательно, над обществом и экономикой, — в этой борьбе присутствовали идеологические мотивы, бравшие начало в американской и французской революциях. Поэтому, добившись независимости, бывшие испанские колонии приняли конституции, основанные на идеях Конституции США — но результаты действия этих конституций были совсем иными.

Конституция США включала в себя наследие экономических и политических принципов, действовавших в Великобритании и в английских колониях в Америке, которое дополнялось выросшими на основе этих принципов идеологическими моделями. В случае же Латинской Америки мы видим, что на обширное наследие централизованного бюрократического контроля и сопровождавшего его мировосприятия был наложен чуждый этому наследию набор правил. Вследствие этого даже по прошествии нескольких лет после обретения латиноамериканскими странами независимости федеративные схемы государственного устройства не работали, а попытки децентрализации не давали результатов. В течение XIX-XX веков эти страны постепенно одна за другой возвращались к системе централизованного бюрократического контроля.

Институциональная модель, установленная Испанией и Португалией, упорно продолжала играть ведущую роль в формировании политики и образа мыслей в странах Латинской Америки и оставалась отличительной чертой исторического процесса на этом континенте, несмотря на то, что после завоевания независимости эти страны восприняли набор правил, аналогичных той британской институциональной традиции, которая определила характер развития Северной Америки...

... Технологические изменения и институциональные изменения — это главные детерминанты социального и экономического развития, причем и в том, и в другом случае проявляются черты зависимости от прошлого. Можно ли объяснить как технологические, так и институциональные изменения единой, общей моделью?

Ведь они действительно имеют большое сходство. В обоих случаях важную роль играет возрастающая отдача. Но в институциональном процессе мировосприятие “актеров” имеет более важное значение, чем в технологических изменениях, потому что идеологические убеждения влияют на формирование субъективных моделей, определяющих решения в ситуации выбора. Институциональный процесс предоставляет более широкие рамки выбора благодаря наличию сложных взаимоотношений между формальными и неформальными ограничениями. Поэтому в институциональном контексте “эффект блокировки” и эффект зависимости от траектории предшествующего развития выступают в более сложных формах, чем в контексте технологических изменений. Эта сложность связана и с взаимодействием между обществом и экономикой, и с разнообразием позиций “актеров”, по-разному способных влиять на институциональные изменения, и с ролью культурного наследия, которое обуславливает устойчивость многих неформальных ограничений.

Закljučая эту главу, хочу обратить внимание на некоторые выводы из приведенного здесь анализа. Долгосрочные экономические изменения являются результатом

накопления бесчисленных краткосрочных решений политических и экономических агентов, которые (решения) прямо и косвенно, через внешние эффекты, формируют политический или экономический процесс. Те выборы, которые делают агенты, отражают их субъективное представление об окружающем мире. Поэтому степень соответствия между результатами и намерениями зависит от того, насколько эти представления являются правильными моделями. Поскольку модели отражают идеи, идеологии и убеждения, которые в лучшем случае лишь частично подвергаются исправлению и улучшению обратной связью, поступающей от реальных последствий принятых решений, то последствия конкретных решений являются не только неопределенными, но и в значительной степени непредсказуемыми. Даже при самом поверхностном взгляде на политические и экономические решения, которые принимались в прошлом или принимаются сегодня, несложно увидеть огромную пропасть между намерениями и последствиями. Однако наличие механизмов самоподдержания институциональной матрицы и комплементарных субъективных моделей игроков свидетельствует о том, что, несмотря на непредсказуемость конкретных краткосрочных тенденций развития, общее направление развития в долгосрочной перспективе является более предсказуемым и с трудом поддается возвращению вспять.

5 «Они перестраивали общество на основе абстрактного плана
во многом так же, как астрономы
передельвали вселенную для удобства вычислений.»
- Пьер-Жозеф Прудон про утопических социалистов

10 Все же человек, который использует абстрактный план и доверяет ему,
может проиграть тому, у кого вообще нет плана;
у последнего нет необходимости тщательно обследовать
каждую деталь на своём пути и постоянно искать указаний,
в каком направлении ему следует двигаться,
15 напрягая все свои чувства и интеллект.
- Е.Ф.Шумахер, Малое – прекрасно.

Великие высокомодернистские исторические эпизоды, исследованием которых мы
занимались, следует рассматривать как трагедии, по крайней мере, в двух отношениях.
Во-первых, интеллектуалы-мечтатели, а также планировщики, исполнявшие их волю,
были повинны в гордости – в упущении того факта, что они, смертные, действуют, как
20 если бы они были божествами. Во-вторых, их действия, далекие от циничного захвата
власти и богатства, были одушевлены подлинным желанием улучшить условия
человеческого существования – в том и состоял их фатальный изъян. То, что эти
трагедии были так глубоко связаны с оптимистическими картинами прогресса и
рационального порядка – уже сама по себе причина для поиска диагноза. Другая причина
25 лежит в подлинно вселенском характере веры в высокий модернизм. Мы сталкиваемся с
этим в различных обликах в колониальных путях развития; спланированных городских
центрах, как на Востоке, так и на Западе; коллективизированных хозяйствах;
масштабных планах Всемирного банка; переселении кочевников и управлении рабочими
за дверями фабрик.

30 Если в государствах бывшего социалистического блока и в революционных попытках в
странах Третьего мира подобные схемы, как правило, приносили разрушительные
человеческие и естественные потери, то это было возможно только потому, что
авторитарная государственная власть, без препятствий со стороны представительных
35 органов, могла подавлять сопротивление и подталкивать проект вперед. Однако идеи,
питавшие эти схемы, от которых зависела их законность и привлекательность, были
полностью западными. Порядок и гармония, которые когда-то казались находившимися
в ведении единого Бога, были заменены верой в идею прогресса, за которую ручались
ученые, инженеры и планировщики. Их компетентность, стоит напомнить, меньше всего
40 оспаривалась в те моменты, когда другие формы координации действий потерпели
неудачу или казались крайне неадекватными для решения глобальных задач того
времени: в период войны, революции, экономического кризиса или недавней победы в
борьбе за независимость. Планы, которые они вынашивали, были подобны четким
схемам стандартизации, изобретённым абсолютистскими королями семнадцатого и
восемнадцатого веков. Но полностью новым был масштаб и планов всеобщего
45 социального преобразования, и средств государственного управления – переписей,

⁵ Уривок з книги: Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты
улучшения условий человеческой жизни. – М.: Издательство: Университетская книга, 2005 г. - С. 550-568.

кадастровых карт, удостоверений личности, статистических бюро, образования, средств массовой информации, органов внутренней безопасности – которые могли позволить им идти по намеченному пути гораздо дальше, чем мог мечтать любой монарх семнадцатого века. В результате множество политических трагедий двадцатого столетия прошло под лозунгами исторического прогресса, освобождения и реформирования.

Мы исследовали детали того, как эти схемы подводили тех, кого намеревались осчастливить. Если бы меня попросили кратко выразить причины этих неудач в одном предложении, я бы сказал, что основатели этих планов считали себя гораздо умнее и дальновиднее, чем они были на самом деле, и в то же время рассматривали тех, кем они предводительствовали, более невежественными и некомпетентными, чем те были в действительности. Оставшаяся часть этой главы посвящена подробному раскрытию этой поверхностно выраженной мысли и выдвигению нескольких скромных советов.

Всё дело в невежестве, дурачок!»

У них только одна ошибка: позже они уверовали, что они есть последнее число – какого нет в природе, нет.

– Евгений Замятин, Мы

Сентенция, служащая заголовком к этой части, не просто подходит для наклеек на бампере и подражает хорошо известному лозунгу кампании по выборам Билла Клинтона в президенты в 1992 году: «Всё дело в экономике, глупыш!». Она имеет целью привлечь внимание к тому, как привычно планировщики игнорируют возможность радикальной перемены обстоятельств в будущем. Очень редко приходится встретить совет относительно будущего, который начинается с предположения о несовершенстве наших знаний. Одно небольшое отступление – о циркуляре по поводу продуктов питания, опубликованном поликлиникой Йельского университета, где я преподаю, – подчеркнёт редкость подобных событий. Обычно такие проспекты дают информацию об основных питательных веществах, витаминах и микроэлементах, существенную для сбалансированного питания, и предлагают диету, основанную на этих категориях. Однако этот циркуляр подчеркивал, что в последние два десятилетия было обнаружено много новых необходимых компонентов правильного питания и что предположительно еще больше будет найдено исследователями в последующие годы. Поэтому, понимая несовершенство своих знаний, авторы рекомендовали разнообразить питание, насколько возможно, предусмотрительно полагая, что оно содержит многие из этих донныне невыявленных существенных компонентов.

Социальные и исторические исследования неизбежно преуменьшают роль и значение вероятности в совершении событий. Историческое событие или состояние государства часто кажется направленным и вынужденным, в то время как фактически оно легко могло бы пойти в своем развитии другим путём. Даже социальная наука, учитывающая теорию вероятности, какой осторожной она ни была бы относительно установления конечных пределов, наверняка будет склонна обращаться с этими возможными событиями, как с твёрдыми фактами. Когда приходится думать о будущем, обычно не ставится под сомнение возможность нештатной ситуации, а также и способность людей справляться с непредвиденными обстоятельствами и помогать будущему обрести форму. Но в тех случаях, когда спорящие думают, что знают, каким будет будущее, и знают это на основании их понимания исторических законов прогресса или научной истины, какую бы трезвость они не сохраняли, они не учитывают возможности неожиданной перемены обстоятельств.

Как можно было предсказать, каждая из этих схем проваливалась в результате воздействия непредвиденных обстоятельств, находящихся вне кругозора планировщиков. Сфера действия и всесторонность их планов были таковы, что они имели бы неопределенные результаты даже при том, что исторические законы и соответствующая спецификация переменных были правильными и вычисления производились корректно. Несмотря на все амбиции, они могли с некоторой уверенностью предугадывать только ближайшие последствия своих действий, никто не мог бы определить, тем более просчитать, последствия второго или третьего порядка и результаты их взаимодействий. Непредсказуемыми в схемах проектировщиков оставались естественные события в природе и в обществе, не укладывающиеся в их модели – засухи, войны, восстания, эпидемии, процентные ставки, мировые потребительские цены, эмбарго на нефть. Они могли и безусловно пытались приспособливаться к этим неучтённым обстоятельствам и импровизировать ввиду их чрезвычайные меры. Но размеры начального вмешательства были настолько велики, что многие из оплошностей уже не могли быть исправлены. Стивен Марглин коротко сформулировал их ошибку: если «несомненный факт относительно будущего состоит в том, что оно является неопределённым, если единственное, что можно признать безусловным – то, что мы живём в мире неожиданностей, тогда никакое планирование, никакие рецепты не помогут справиться с непредвиденными обстоятельствами, которые преподнесёт будущее.

Любопытно совпадение подходов в этом отношении – но не в других – у такого критика командной экономики справа, как Фридрих Хаек, и у критика коммунистического авторитаризма слева князя Пётра Кропоткина, заявившего, что «невозможно издавать законы для будущего». Оба они прекрасно понимали значение разнообразия человеческих действий и непреодолимые трудности успешного координирования миллионов взаимодействий. В сердитом критическом анализе неудавшихся парадигм развития Альберт Хиршман привёл сравнимый случай, призывая к «чуть большему благоговению перед жизнью», чуть меньшей прямолинейности в планировании будущего, чуть большему допущению неожиданного и чуть меньшему принятию желаемого за действительное».

Можно на основе опыта выделить несколько сугубо практических правил, соблюдая которые, можно попытаться сделать запланированный процесс развития менее подверженным неожиданностям. И хотя моей главной целью едва ли является реформа методов развития, такие правила наверняка вместили бы кое-что из следующих советов.

Делайте небольшие шаги. В экспериментальном подходе к социальным изменениям всегда предполагайте, что мы не можем заранее предугадать последствия наших вмешательств. Учитывая этот постулат нашего невежества, постарайтесь везде, где это возможно, сделать маленький шаг, отойти в сторону, понаблюдать, а затем планировать следующее небольшое движение. Вот как биолог Д.Б.С.Холдейн метафорически описал преимущества малости: «Вы можете бросить мышь в глубокую угольную шахту – когда она достигнет дна, она слегка ушибется и убежит. Крыса уьется, человек переломает все кости, от лошади останется мокрое место».

Предусмотрите возможность отступления. Выбирайте действия, которые можно обратить вспять, если они оказываются ошибочными. Необратимые вмешательства имеют необратимые последствия. Вмешательства в экосистемы требуют особого внимания, учитывая наше дремучее невежество относительно их взаимодействий. Альдо Леопольд так передает дух необходимой осторожности: «Чтобы что-нибудь починить, надо прежде всего иметь все нужные детали».

Планируйте неожиданности. Выбирайте планы, которые допускают наибольшую оперативность в случае непредвиденных обстоятельств. В сельском хозяйстве это может означать выбор и подготовку земли таким образом, чтобы на ней можно было выращивать любую из нескольких культур. В планировании жилья это означает универсальный дизайн, предусматривающий возможность изменения семейных структур или стиля жизни. На фабрике это может означать выбор местоположения, планировки и механизмов, которые по своей сущности легко допускают использование новых технологических процессов, материалов или производственных линий.

Планируйте человеческую изобретательность. При планировании всегда предполагайте, что люди, принимающие участие в проекте, будут иметь или разовьют опыт и интуицию, которая позволит им этот проект усовершенствовать.

Планирование для абстрактных граждан

Сила и точность схем высокого модернизма ограничивало не только вынесение за скобки непредвиденных обстоятельств, но также и стандартизация субъектов нового строительства. Даже при самых благородных целях планировщиков некоторая стандартизация неявно присутствовала. В массе своей планировщики были преданы идеям эгалитарного общества, удовлетворения основных потребностей его граждан (особенно рабочего класса) и создания удобств современного общества, доступных для всех.

Давайте остановимся и рассмотрим внимательно образ человека, для которого планировались все эти преимущества. Прежде всего, он предельно абстрактен. Такие разнообразные деятели, как Ле Корбюзье, Вальтер Ратенау, те, кто проводил коллективизацию в Советском Союзе и даже Джулиус Ньерере (несмотря на всю его риторику относительно африканских традиций) занимались планированием для абстрактных субъектов, которые нуждались в таком-то количестве квадратных футов площади для жилья, акров земельных угодий, литров чистой воды и единиц транспорта, а также в определенном количестве продовольствия, чистого воздуха и мест отдыха. Стандартизированные граждане были однородны в своих потребностях и даже взаимозаменяемы. Как ни поразительно, такие субъекты – подобно «немаркированным гражданам» либеральной теории – не имели никакого пола, никаких вкусов, никакой предыстории, никаких ценностей, мнений или собственных идей, никаких традиций и отличительных индивидуальных признаков, которые бы учитывались при планировании. У них не было никакой особенности, никаких ситуативных и контекстуальных признаков, которых можно было бы ожидать от любого населения, и которые мы, кстати, всегда приписываем элитам.

Недостаток в этих схемах контекста и специфичности не является случайной оплошностью, это первая и необходимая предпосылка любого крупномасштабного планирования. Разрешающая способность планирования возрастает в той степени, до которой с людьми можно обращаться, как со стандартизированными единицами. Вопросы, поставленные в этих четких пределах, могут иметь ясные количественные ответы. Та же самая логика применяется и к преобразованию природного мира. Вопросы об объеме коммерческой древесины или урожая пшеницы в бушелях допускают более точные вычисления, чем, скажем, вопросы о качестве почвы, вкусе зерна или благосостоянии общества⁷. Экономика достигает своей огромной разрешающей способности, переводя всё, что иначе было бы качественными проблемами, в количественные задачи с единой системой измерений и в конечном итоге сводя их к вопросу: прибыль или убыток?⁸ Если понимать, сколь решительные упрощения

необходимы для достижения подобной точности, а также, что сохраняются не подвластные ей проблемы, то единую систему мер следует признать неоценимым инструментом. Проблемы же возникают тогда, когда она становится единственной.

5 Самое поразительное, что высокомодернистские системы, несмотря на подлинно эгалитарные и часто социалистические побуждения, так мало доверяют навыкам, уму и опыту простых людей. Это достаточно очевидно на тейлористской фабрике, где логика организации работы направлена на сведение участия рабочих рук к серии повторяющихся, отлаженных движений, как можно более машиноподобных. Но это также очевидно и в коллективных хозяйствах, деревнях уджамаа и запланированных
10 городах, куда людей переселяли по заранее составленному плану. Если стремления Ньерере к кооперативному государственному хозяйствованию потерпели крах, это произошло вовсе не потому, что планом не была предусмотрена совместная работа. Чем более амбициозным и мелочным в деталях является план, тем меньше в нем остается места – теоретически – для местной инициативы и опыта.

15

Разложение действительности на составляющие

Количественные технологии, как правило, лучше всего исследовали процессы социальной и экономической жизни, если мир, который они стремились описать, мог быть переделан по их образцу.
20 - Теодор М. Портер, *Доверие числам*

Если факты – то есть поведение живых людей – не соответствуют теоретическим ожиданиям, экспериментатор раздражается и пытается приспособить факты к теории, которая на деле означает своего рода вивисекцию общества, пока они не станут тем, что от них теоретически ожидалось с самого начала.
25 - Исайя Берлин, *“О политическом суждении”*

Ясность высокомодернистской оптики обязана её разрешающей силе. Её упрощающая фикция состоит в том, что для любой исследуемой деятельности или процесса рассматривается только один определённый план развития. В научном лесу есть только выращиваемый коммерческий лес; в запланированном городе существенно только перемещение товаров и людей; в жилищном хозяйстве считается важным лишь снабжение кровом, теплом, канализацией и питьевой водой; в запланированной больнице
30 - только быстрым обеспечением профессиональными медицинскими услугами. И все же и мы, и планировщики знаем, что каждый из этих пунктов является переплетением множества взаимосвязанных действий, не подчиняющимся подобным простым описаниям. Даже дорога от А до В, которая, казалось бы, обладает только одной функцией, может использоваться и в качестве места для отдыха, общения, приключений
35 и просто для того, чтобы наслаждаться видами природы между А и В.

В любом случае полезно представить себе две различные оперативные карты. В случае запланированного городского квартала первая карта показывает улицы и здания, прослеживая маршруты, которые разработчики предусмотрели для связи между рабочими местами и жильём, поставки товаров, подъездов к магазинам и так далее.
45 Вторая карта состоит из маршрутов всех незапланированных движений – как съёмка рапидом: вот люди катят детские коляски, гуляют и разглядывают витрины магазинов, прогуливаются друг с другом, играют в «классики» на тротуаре, выгуливают собак, глазят по сторонам, срезают углы по пути с работы домой и так далее. Эта вторая

карта, гораздо более сложная, чем первая, отражает разнообразные детали городской жизни. В старых районах более вероятно, что вторая карта почти вытеснит первую, примерно так же, как это произошло по истечению пятидесяти лет с запланированными предместьями Левиттауна, ставшими совсем непохожими на то, что первоначально предполагалось проектировщиками.

Если наше исследование и научило нас чему-то, так это тому, что первая карта, взятая отдельно, не отражает действительность и на деле нежизнеспособна. Монокультурный лес одного возраста, очищенный от всякой «дряни» – в конечном счете представляет собой экологическое бедствие. Никакая тейлористская фабрика не может наладить производство без непланируемых импровизаций опытных рабочих. Запланированная Бразилиа на тысячи ладов проигрывает незапланированной. Без хоть какого-то разнообразия, как отметила Джекобс, голый жилищный проект (подобно кварталам Прют-Айгоу в Сент-Луисе или Кабрини-Грин в Чикаго) не подойдет жителям. Даже для ограниченных целей близорукого плана – планов производства коммерческой древесины или фабричной продукции – одномерный план просто не сработает. Как с индустриальным сельским хозяйством и его зависимостью от культурных сортов, первая карта может существовать только благодаря деятельности, протекающей вне её пределов, которую она игнорирует на свой страх и риск.

Наше исследование также научило нас, что такие планы чёткости и контроля, особенно когда за ними стоят авторитарные государства, действительно отчасти преуспели в формировании природы и социальной среды по своим предначертаниям. Как могут впечатлять столь неадекватные планы, что за люди их вынашивают? По этому поводу я могу только сказать, что точно так же, как монокультурный лес одного возраста представляет собой бедную и нежизнеспособную экосистему, так и высокомодернистский городской комплекс представляет бедную и нежизнеспособную социальную систему.

Люди сопротивляются серьёзным формам социального ущемления, и это предотвращает возможную реализацию однообразных систем централизованной рациональности. Если бы они были претворены в жизнь в своих наиболее чистых формах, это составило бы очень мрачную перспективу для человечества. Один из планов Ле Корбюзье, например, предусматривал сегрегацию фабричных рабочих и их семей в бараках вдоль главных транспортных артерий. Теоретически это было эффективным решением транспортных и производственных проблем. Если бы этот план был претворён в жизнь, результатом явилось бы удручающее окружение строго регламентированных мест работы и жительства без какого-либо оживления городской жизни. Этот план имел всю привлекательность тейлористской схемы, где, используя сравнимую логику, эффективная организация работы была достигнута путём сведения всех движений рабочих к нескольким повторяющимся жестам. Шаблонные конструктивные принципы, лежащие в проектах Советского колхоза, деревень уджамаа или поселений в Эфиопии страдают той же узостью видения. Их основной целью было прежде всего облегчение управления производством из центра и контроля общественной жизни.

Почти все строго функциональные узкоспециализированные учреждения имеют некоторые качества бассейнов для сенсорной депривации, используемых в экспериментальных целях. В пределе они приближаются к крупным социальным надзорным учреждениям восемнадцатого и девятнадцатого веков: приютам, работным домам, тюрьмам и исправительным заведениям. Мы уже достаточно хорошо изучили такие заведения, чтобы понимать, что через некоторое время они приведут к характерному неврозу своих обитателей, характеризующемуся апатией, замкнутостью,

лет этого кошмара? Без ума и инициативы они не смогли бы пережить это! Им нужны кредиты и поставки, но с инициативой у них всё в порядке».

Несмотря на многообразную несостоятельность коллективизации, колхозники, кажется, нашли способы и средства, по крайней мере, пройти сквозь все это. В этой связи мы не
5 должны забывать, что первой реакцией на коллективизацию в 1930 году было решительное сопротивление и даже восстание крестьян. После подавления этого сопротивления у оставшихся в живых выбор был небольшой, но они только сделали вид, что подчинились. Крестьяне вряд ли могли сделать успешной командную систему сельского хозяйства, но они могли делать лишь самое необходимое: выполнять нормы,
10 но обеспечить собственное экономическое выживание.

Свидетельством различных возможных импровизаций, которые допускались по необходимости, может служить показательное сравнение двух восточногерманских фабрик перед самым разрушением Берлинской стены в 1989 году. На каждую фабрику сильно давили, чтобы она выполняла план, несмотря на старые механизмы, плохое
15 качество сырья и недостаток запасных частей – от этого зависели премии сотрудников. При таких драконовских условиях фабрики вынуждены были держать в штате двух совершенно необходимых служащих, хотя их должности занимали довольно скромное место в официальной иерархии. Один из них был мастером на все руки, который мог поддерживать в рабочем состоянии механизмы, исправлять или маскировать
20 производственный брак и растягивать запасы сырья. Второй был ловким махинатором, находившим и покупавшим (или выменивавшим) запасные части, машины и сырье, которые невозможно было своевременно получить по официальным каналам. Для облегчения работы снабженца фабрика обычно использовала свои фонды, стараясь застаться такими дефицитными непортящимися товарами, как стиральный порошок, косметика, качественная бумага, пряжа, хорошее вино и шампанское, лекарства и модная
25 одежда. Когда перед заводом вставала угроза невыполнения плана из-за отсутствия нужных приборов или инструментов, эти знающие умельцы пересекали страну на своих маленьких «Трабантах», забитых всем необходимым для обмена. Ни одна из функций этих людей не была предусмотрена в официальном перечне работ организации, и тем не менее для выживания фабрики их умения, знания и опыт значили больше, чем чьи-нибудь другие. Ключевым элементом централизованной плановой экономики всегда был – неофициально, подпольно – все тот же метис.

Случаи, подобные описанному, были правилом, а не исключением. Они свидетельствуют, что формальный порядок, закодированный в разработках социальной инженерии, неизбежно упускает самые существенные элементы для фактического
35 функционирования этих проектов. Если фабрика была вынуждена работать только в пределах своих прямых обязанностей и функций, указанных в упрощённом проекте, это обычно быстро приводило к ее остановке. Коллективизированная командная экономика всегда продвигалась вперёд только благодаря отчаянной импровизации неофициальной экономики, полностью лежащей вне официальных правил.
40

Если выразится несколько иначе, все формальные системы социальной инженерии фактически являются подсистемами большой системы, от которой они предельно зависят, если не сказать, паразитируют на ней. Подсистема полагается на разнообразие процессов – часто неофициальных, уже происшедших – которые она не может
45 самостоятельно создавать или поддерживать. Чем более схематичен, неадекватен и упрощён формальный порядок, тем он менее гибок и более уязвим по отношению к любому возмущению вне его узких параметров. Такой анализ высокого модернизма проявляет необходимость подпольной рыночной координации, противоречащей

централизованной экономике. Однако здесь важно иметь в виду следующее. Сам рынок есть институциональная, формальная система координации и, следовательно, несмотря на простор действий, который он обеспечивает своим участникам, он подобным же образом зависит от большой системы социальных отношений, которые он не может ни вычислить, ни создать, ни поддерживать. Здесь я имею в виду не только очевидные элементы контрактов и прав собственности, а также поддерживающей их принудительной власти государства, но и всю историю существующих образцов и норм социальных отношений доверия, сосуществования и сотрудничества, без которых рыночный обмен просто невообразим. Наконец – и самое важное – сама экономика есть «подсистема ограниченной сложившейся экосистемы», чьи существующие возможности и взаимодействия она должна уважать как условие своего существования.

Я думаю, это вообще характерно для больших формальных систем координации: они обязательно включают в себя то, что кажется аномалией, а при ближайшем рассмотрении оказывается ее неотъемлемой частью. Многие из этого могло бы называться «метисом во спасение», хотя для людей, поддавшихся обману авторитарной социальной инженерии и вынужденных жить в этих условиях, такие импровизации отражают отчаянную борьбу за существование. Многие современные города, причем не только в странах Третьего мира, выживают за счёт трущоб и незаконных самовольных поселений, жители которых обеспечивают основными жизненно важными услугами остальных. Официальная командная экономика, как мы видели, зависит от мелкой торговли, бартера и сделок, обычно являющихся незаконными. Официальная экономика пенсионных систем, социального обеспечения и медицинских страховок имеет дело с подвижным, текучим населением, обладающим немногими из этих социальных защит. Подобным же образом в практике механизированных хозяйств гибридные сорта сохраняются только благодаря разнообразию и иммунитету к болезням предшествующих культурных сортов. В каждом примере неформальная практика является необходимым условием существования формального порядка.

Примеры общественных институтов, дружественных метису

Разработки проектов научного лесоводства, свободного землевладения, запланированных городов, колхозов, деревень уджамаа и промышленного сельского хозяйства при всей их изобретательности представляли собой довольно простые вмешательства в неимоверно сложные естественные и общественные системы. Абстрагировавшись от систем, взаимодействия которых не подчинялись расчётам, в основу нового порядка было положено всего несколько элементов. В лучшем случае новый порядок был хрупким и уязвимым, поддерживаемым импровизациями, вовсе не предусмотренными его создателями. В худшем случае он приносил непоправимый вред людям, ломая судьбы, повреждая экосистемы, раскалывая и разоряя общества.

Этот довольно общий приговор должен быть смягчен, особенно в случае социальных систем, по крайней мере, по четырём соображениям. Во-первых, и это самое важное, социальный порядок, на смену которому они приходили, был настолько явно несправедливым и репрессивным, что любой новый порядок казался предпочтительным. Во-вторых, высокомодернистская социальная инженерия обычно представала облаченной в прогрессивные, эгалитарные и освободительные идеи: равенство перед законом, гражданство для всех, право на средства к существованию, здоровье, образование и крышу над головой. Предпосылкой, обеспечивающей большую притягательную силу высокомодернистского кредо, было обещание со стороны государства сделать выгоды технологического прогресса доступными для всех граждан.

Две оставшиеся причины для смягчения приговора таким схемам относятся не к самим их потенциально разрушительным последствиям, а к способности обычных людей изменять эти последствия или, в конце концов, обращать вспять. Там, где функционировали представительные учреждения, определённый компромисс был неизбежен. Когда их не было, весьма примечательно, что упорное ежедневное сопротивление тысяч граждан вынуждало власти отказаться от проекта или изменить его. Конечно, если времени достаточно, любой высокомодернистский план будет постепенно изменен вплоть до полной переделки народной практикой. Советские коллективные хозяйства, представляющие наиболее безжалостный пример этих проектов, в конце концов пришли в упадок, как из-за бессмысленности работы и сопротивления колхозников, так и благодаря политическим переменам в Москве.

Не отрицая бесспорных выгод разделения труда и иерархической координации для некоторых задач, я хочу привести пример других социальных институтов, которые являются полифункциональными, пластичными, разносторонними и приспособляемыми, другими словами, институтов, которые в большой мере сформированы метисом. Тот факт, что люди, захваченные ограниченными системами формального порядка, кажутся постоянно работающими в своих собственных интересах, делая систему более многосторонней, - один из признаков общего процесса «социального приручения». Другой показатель - это социальная притягательность самостоятельности и разнообразия, что видно, например, в популярности кварталов смешанного назначения у Джекобс и в неизменной привлекательности занятия собственным бизнесом.

Разнообразие и определенные формы сложности кроме своей привлекательности имеют и другие преимущества. В природных системах, как мы знаем, эти преимущества многообразны. Естественный лес, поликультурные посеы и сельское хозяйство с открытым опылением могут не быть столь же производительными за короткий промежуток времени, как монокультурные леса и поля с идентичными гибридами. Но совершенно очевидно, что они более устойчивы, более самостоятельны, менее подвержены заболеваниям и опасностям со стороны окружающей среды и меньше нуждаются во внешних усилиях для самосохранения. Каждый раз, когда мы заменяем «естественный капитал» (такой, как запасы рыбы в естественных водоёмах или девственные леса) тем, что можно назвать «культивированным естественным капиталом» (вроде рыбных хозяйств или лесных плантаций), мы приобретаем лёгкость присвоения и немедленную продуктивность за счёт больших расходов по эксплуатации и малой «избыточности, способности к самовосстановлению и надёжности»¹⁴. Если трудности со стороны окружающей среды, с которыми сталкиваются такие системы, являются сравнительно скромными и предсказуемыми, то определенное упрощение могло бы быть и относительно устойчивым¹⁵. Однако при прочих равных условиях меньшее разнообразие культивированного естественного капитала делает его более уязвимым и нежизнеспособным. Проблема состоит в том, что в большинстве экономических систем внешние издержки (например, загрязнение воды или воздуха или истощение невозполнимых ресурсов, включая сокращение биологических разновидностей) накапливаются намного раньше, чем становится нерентабельной сама практическая деятельность (в узком смысле, оцениваемом по соотношению прибылей и убытков).

Мне кажется, аналогично можно рассмотреть социальные институты, для которых недолговечность ригидных и узконаправленных централизованных форм резко контрастирует с адаптивностью более гибких, многоцелевых и децентрализованных. Пока ближайшее проблемное окружение института остаётся повторяющимся, устойчивым и предсказуемым, набор определённых установившихся практик может оказаться исключительно эффективным. Но в большинстве экономических структур и в

человеческих делах вообще так бывает редко, и такая рутинная практика перестанет работать, если среда вдруг заметно изменится. Долгосрочное существование некоторых социальных институтов – семьи, небольшого сообщества, мелкого хозяйства, семейной фирмы в определённых делах – есть результат их определённой приспособляемости к резко меняющимся обстоятельствам. Они никоим образом не являются бесконечно приспособляемыми, но при этом пережили не одно предсказание своего неизбежного упадка. Небольшое семейное хозяйство, в результате мобильности своей рабочей силы (включая использование детского труда), способности к быстрой смене культур или видов домашнего скота и склонности к использованию разнообразных возможностей, сумело сохраниться среди конкурирующих экономических структур, а множество огромных высокоразвитых механизированных и специализированных акционерных и государственных хозяйств потерпело неудачу¹⁶. В секторе экономики, где более важны местное знание, быстрая реакция на погоду и состояние сельскохозяйственных культур, а также низкие накладные расходы (малость!), чем в крупной промышленности, семейная ферма имеет значительные преимущества.

Даже в огромных организациях многообразие приносит дивиденды стабильностью и способностью к быстрому восстановлению. Город, имеющий однонаправленное производство, как, например, жемчужина в короне сталинской металлургической промышленности, Магнитогорск, уязвим, когда меняется технологический процесс и требуется производить новые изделия, а неспециализированный город, в котором много предприятий и разнообразной рабочей силы может пережить довольно сильные удары. Поразительно, что в наиболее индустриализированных экономиках сложные и зачастую низкодоходные способы добывания пропитания, домашняя заготовка продовольствия, неучитываемая работа и широко распространены, и необходимы, хотя едва отражаются в большинстве форм экономической отчётности¹⁷. Примером могут служить развитые семейные фирмы из Эмилии-Романья, Италия, которые поколениями процветали на чрезвычайно конкурентном мировом рынке текстиля благодаря сети согласованных взаимоотношений, адаптивности и высоко квалифицированной и стабильной рабочей силе. Одновременно семейные фирмы укоренились в местном обществе, в котором все знали друг друга и которое за несколько столетий приобрело большой опыт совместной жизни и гражданские навыки¹⁸. Эти фирмы вместе с плотными, разнообразными сообществами, в которые они были внедрены, воспринимались все менее архаично и казались идеально подходящими для экономики постиндустриального капитализма. Даже в узких границах рыночной конкурентоспособности в либеральных индустриальных обществах поливалентные, адаптивные, небольшие структурные единицы имеют больше преимуществ, чем мог бы вообразить любой приверженец высокого модернизма 1920-х годов.

И более того – как только мы оцениваем такие поливалентные учреждения в соответствии с более широкими критериями, пример становится даже более веским. Если рассуждать на этом уровне, нужно возвратиться к ранее поставленному вопросу: какого сорта люди вынашивают мысль о подобных учреждениях? Лучше всех установил связь между экономической предприимчивостью и политическими навыками Томас Джефферсон в своем прославлении мелких фермеров-землевладельцев. Джефферсон был уверен, что самостоятельность и навыки, нужные для ведения независимого сельского хозяйства, помогли взрастить гражданина, привыкшего ответственно принимать решения, имеющего достаточно собственности, чтобы избежать социальной зависимости, и включенного в традицию обсуждения проблем и ведения переговоров со своими согражданами. Короче говоря, сословие мелких фермеров-землевладельцев было идеальной основой для демократического гражданства.

К любой запланированной, построенной и узаконенной форме социальной жизни можно применить сравнительный тест: до какой степени обещает она увеличить навыки, знание и чувство ответственности тех, кто является её носителем? На более узком институциональном уровне вопрос звучал бы так: насколько глубоко эта форма отмечена ценностями и опытом тех, кто её составляет. В каждом случае целью является различение ситуаций, допускающих лишь незначительную модификацию (а то и вовсе никакой), и ситуаций, поддерживающих развитие и применение метиса.

Здесь может помочь простой пример со сравнением военных памятников. Мемориал ветеранов Вьетнама в Вашингтоне, судя по количеству и интенсивности его посещений, несомненно, является одним из наиболее удачных военных мемориалов. Построенный по проекту Майи Лин, мемориал представляет собой неглубокую траншею, внешняя стенка которой облицована черным полированным гранитом. На стене высечены имена погибших и пропавших без вести. Имена перечисляются не по алфавиту и не по принадлежности военным подразделениям, а в хронологическом порядке, по точной или предполагаемой дате гибели¹⁹. Другого словесного или скульптурного выражения отношения к войне нет, что вряд ли удивительно в свете того, какие политические бури все еще возбуждает эта война²⁰. Особенно примечательно то, как вьетнамский мемориал влияет на людей, приходящих посетить его, особенно на тех, кто приходит сюда, чтобы отдать дань уважения памяти друга или любимого. Они касаются имен, вырезанных на стене, глядят их и оставляют свои произведения и памятные подарки, от стихов и женской туфли на высоком каблуке до бокала шампанского и набора карт «полного дома» в покере. Эта дань памяти погибших настолько обильна, что музей создал для них специальное здание. Картина множества людей, стоящих вместе у стены, прикасающихся к именам своих любимых, погибших на одной и той же войне, трогает человека независимо от его отношения к самой войне. Я уверен, что значительная часть символической мощи мемориала состоит в том, что он дает возможность посетителям воздать почести умершим и тем самым выразить собственные смыслы, свою историю и свою память. Мемориал требует сопереживания для полного осознания его значения. Хотя его нельзя сравнить с тестом Роршаха, тем не менее Мемориал достигает своей цели и тем, что люди ему приносят, и тем, какое впечатление производит он сам.

А теперь сравним Мемориал ветеранов Вьетнама с другим, сильно отличающимся от него, американским военным мемориалом: скульптурной группой, изображающая подъем американского флага на горе Сурибачи на саммите на острове Иводзима во Второй мировой войне. Волнующая сама по себе, относящаяся к заключительному моменту победы, завоёванной огромной ценой человеческих жизней, Иводзимская группа явно героична. Её патриотизм (символизируемый флагом), её указание на победу, её преувеличенный масштаб и её неявная тема единства в победе оставляют мало места для сопереживания, которое ожидается от зрителя. Учитывая единодушие, с которым относились и относятся к той войне в Соединенных Штатах, совсем неудивительно, что Иводзимский мемориал должен был быть монументальным и внятным в своём послыле. Иводзимский памятник, хотя и не вполне «самодостаточный», все же символически более независим, как и большинство военных памятников. Посетители могут испытывать благоговейный трепет, вглядываясь в образ, который благодаря фотографии и скульптуре стал символом войны на Тихом океане, но они скорее получают от него сообщение, чем взаимодействуют с ним.

Социальный институт, форма или предприятие, которое сформировалось под влиянием метиса людей, занятых в нём, расширит рамки своего опыта и навыков. Следуя совету поговорки «пан или пропал», дружественный метису социальный институт использует и обновляет ценные для общества товары. Это, конечно, не может служить лакмусовой

бумажкой для всех социальных форм. Все социальные формы «искусственно» сконструированы, чтобы служить целям человека. Когда цель – узкая, простая и постоянная во времени, ее можно кодифицировать, и иерархическая рутина, возможно, будет наиболее адекватна в небольшом промежутке времени. Однако даже в таких случаях мы должны осознавать цену человеческих затрат, сводящих на нет результаты рутинной деятельности, и на возможное сопротивление такому исполнению.

- 5
- Когда же качество учреждения и продукт его деятельности зависит от наличия энтузиазма участников, такая лакмусовая проба имеет смысл. Например, при строительстве жилья успех нельзя оценить, не узнав мнения тех, кто в нем живет.
- 10 Проектировщики жилья, которые принимают как должное разнообразие человеческих вкусов и неизбежные (и непредсказуемые) изменения в составе семьи, с самого начала предусмотрят некоторые вариации, создавая гибкие строительные проекты и поэтажные планы, которые можно менять. Тем же способом разработки планов кварталов обеспечат разнообразие и комплексность, которые помогут гарантировать их жизнеспособность и долговечность. Кроме того, те, кто занимается планированием и зонированием, обычно не ставят своей задачей дать гарантию того, что в конце концов кварталы дойдут до разработанных ими форм. Можно представить много типов общественных институтов – школы, парки, детские площадки, гражданские ассоциации, деловые предприятия, семьи, даже планирующие органы, – которые вполне можно
- 15
- 20 оценить с тех же самых позиций.

- Многие общественные институты в либеральных демократических государствах уже принимают такую форму и могут служить образцами для моделирования новых. Можно сказать, что сама демократия основана на предположении, что метис населения страны – в опосредованном виде – непрерывно изменяет законы и политику страны. Право по
- 25
- обычаю, как общественный институт, обязано своей долговечностью тому факту, что оно является не окончательной кодификацией неких правил, а, скорее, набором процедур для непрерывного приспособления неких широких принципов к новым обстоятельствам. Наконец, наиболее характерный из всех человеческих общественных институтов, язык, является и наилучшей моделью: он представляет собой структуру смыслов,
- 30
- последовательность, которая никогда не останавливается в своем развитии и даёт широкий простор импровизациям всех говорящих на нём.

РЕЙТИНГИ УСПІШНОСТІ ДЕРЖАВ І РИЗИК ЗАНЕПАДУ

5 2008 року журнал «Foreign Policy» та Американський фонд «За мир» (The Fund for Peace) видали четвертий експертний рейтинг держав-невдах (Failed States Index)⁶. Цей рейтинг описує здатність держав контролювати цілісність території та керувати демографічною, політичною й економічною ситуацією на цій території. Загальна оцінка в рейтингу відповідає експертному прогнозу щодо ризику для існування тої чи тої держави.

Аналіз та оцінка відбуваються за дванадцятьма критеріями «нежиттєздатності» держави:

соціальні індикатори:

- 10
- 1) **демографічна ситуація** (швидке збільшення, швидке зменшення, швидка зміна «корінного» населення «новоприбульцями»)
 - 2) **масова міграція біженців/інтернованих осіб**

гуманітарні індикатори:

- 15
- 3) **наявність незадоволених та реваншистськи налаштованих груп, поширеність групової параної**
 - 4) **постійний виїзд людей за межі країни**

економічні індикатори:

- 20
- 5) **нерівномірний економічний розвиток серед територіальних та суспільних груп**
 - 6) **різке погіршення стану економіки**

політичні індикатори:

- 25
- 7) **криміналізація чи/та делегітимація держави**
 - 8) **погіршення адміністративних послуг, зменшення ефективності врядування**
 - 9) **уповільнене чи довільне судочинство, системні порушення застосування закону**

порушення прав людини:

- 30
- 10) **служби безпеки функціонують як «держави в державі», поза контролем демократичних політичних інститутів**
 - 11) **виникнення конфліктуючих еліт**
 - 12) **інтервенція інших держав чи інших зовнішніх агентів**

Сталість держави, її успішність, ефективне функціонування залежить від сукупності факторів, які вимірюються за зазначеними критеріями.

Рейтинг розбито на чотири групи держав:

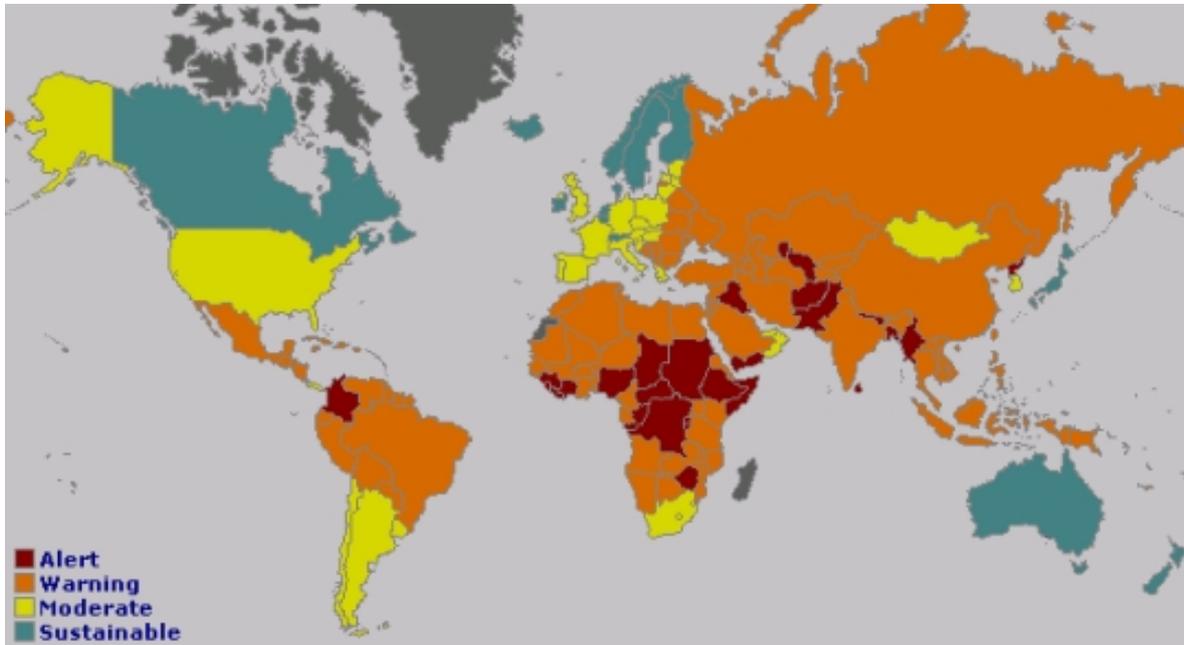
- 35
- 1) «червона група» - критичний рівень ризиків (від 90 до 120 балів)
 - 2) «помаранчева група» - небезпечний рівень ризиків (від 60 до 90 балів)

⁶ http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=com_content&task=view&id=292&Itemid=452

- 3) «жовта група» - сталі держави (від 30 до 60 балів)
- 4) «зелена група» - найбільш сталі держави (від 1 до 60 балів)

Відповідно до результатів аналізу і оцінки життєздатності держав створено політичну карту світу (див. Таблицю 1).

5 **Таблиця 1.**

Деякі результати рейтингу наведено в Таблиці 2.

Таблиця 2.

Rank	Country	I-1	I-2	I-3	I-4	I-5	I-6	I-7	I-8	I-9	I-10	I-11	I-12	Total
1	Somalia	9.8	9.8	9.5	8.3	7.5	9.4	10.0	10.0	9.9	10.0	10.0	10.0	114.2
2	Sudan	9.0	9.6	10.0	8.8	9.3	7.3	10.0	9.5	9.9	9.8	9.9	9.9	113.0
5	Iraq	9.0	9.0	9.8	9.3	8.5	7.8	9.4	8.5	9.6	9.9	9.8	10.0	110.6
7	Afghanistan	9.1	8.9	9.5	7.0	8.1	8.5	9.2	8.3	8.4	9.6	8.8	10.0	105.4
26	Uzbekistan	7.7	5.4	7.1	7.1	8.6	7.7	9.3	6.8	9.2	9.0	9.2	6.3	93.4
50	Moldova	7.0	4.7	7.3	8.4	7.2	7.2	8.3	7.0	7.1	6.5	7.7	7.3	85.7
56	Georgia	6.3	6.8	8.1	5.7	6.9	5.4	8.4	5.9	5.9	7.7	8.3	8.4	83.8
58	Israel	7.2	8.1	9.0	3.8	7.5	3.9	7.5	7.2	7.9	5.5	8.0	8.0	83.6

68	China	8.8	5.1	7.8	6.3	9.0	4.0	8.3	6.6	8.9	5.2	7.0	3.3	80.3
72	Russia	7.0	5.4	7.5	6.5	7.9	3.7	7.9	5.9	8.7	7.0	8.0	4.2	79.7
108	Ukraine	6.5	3.2	7.2	7.3	6.7	5.0	7.3	4.5	5.9	3.0	7.9	6.3	70.8
112	Albania	6.2	2.7	5.4	7.5	6.1	6.3	7.2	5.9	5.4	5.5	5.7	5.8	69.7
128	Romania	5.3	3.5	5.2	5.2	6.1	5.2	5.9	5.2	4.8	3.4	4.7	5.4	59.9
129	Croatia	5.1	6.3	5.7	5.0	5.5	5.3	4.4	4.1	4.5	3.9	3.9	5.7	59.4
155	Germany	3.9	4.3	4.9	2.8	5.3	2.8	2.3	1.9	2.7	2.5	1.8	2.1	37.3
160	United Kingdom	3.0	3.0	4.5	2.0	4.5	1.7	2.0	1.8	2.6	3.0	2.7	2.1	32.9
161	United States	3.5	4.0	3.2	1.0	5.5	2.3	3.0	1.8	4.2	1.3	2.0	1.0	32.8
163	Japan	4.3	1.1	3.8	2.0	2.5	2.3	1.8	1.2	3.4	2.0	1.7	3.6	29.7
168	Austria	2.8	2.2	3.5	1.1	4.9	1.9	1.3	1.4	1.5	1.0	2.0	2.3	25.9
177	Norway	2.0	1.6	1.0	1.1	2.0	1.8	1.0	1.3	1.5	1.0	1.0	1.5	16.8

ІНДЕКС ПОЛІТИЧНОЇ НЕСТАБІЛЬНОСТІ

5 Інший важливий аналіз та прогнозування стабільності держав робить журнал «Economist» (Economist Intelligence Unit). Індекс політичної нестабільності (Political Instability Index) вимірює ризики, які несуть із собою соціальні конфлікти та протести. Індекс демонструє рівень загрози соціальних конфліктів для цілісності та стабільності тої чи тої держави.

10 У вимірюванні 2009 року експертна група «Economist» проаналізувала ситуацію в 165 країнах світу і визнала 95 держав за ті, що можуть найближчим часом зазнати серйозних соціальних заворушень. Тільки 17 держав було визнано за такі, що мають мало ризиків.⁷

В Таблиці 3 – деякі результати оцінювання для 2009-2010 років.

Таблиця 3.

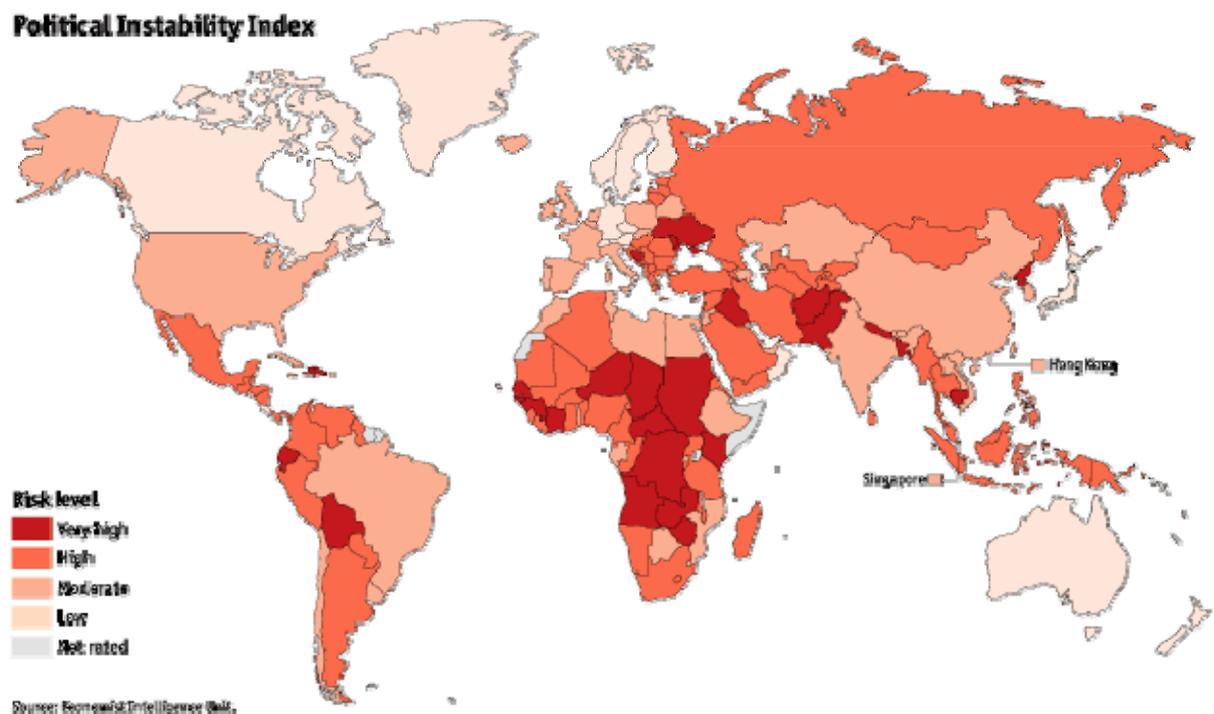
<u>Rank</u>	<u>Country</u>	<u>Underlying vulnerability</u>	<u>Economic distress</u>	<u>Index score</u>	<u>2007 score</u>
1	Zimbabwe	7.5	10.0	8.8	8.8
2	Chad	7.1	10.0	8.5	7.5
3	Congo Republic (Democratic)	8.3	8.0	8.2	7.2
4	Cambodia	7.9	8.0	8.0	6.0
4	Sudan	7.9	8.0	8.0	7.0
6	Iraq	8.8	7.0	7.9	7.9
7	Cote d'Ivoire	7.5	8.0	7.8	7.8
7	Haiti	7.5	8.0	7.8	6.8
7	Pakistan	7.5	8.0	7.8	5.8
7	Zambia	7.5	8.0	7.8	6.8
7	Afghanistan	7.5	8.0	7.8	6.8
7	Central African Republic	7.5	8.0	7.8	5.8
13	North Korea	5.4	10.0	7.7	3.7
14	Bolivia	8.3	7.0	7.7	5.7

⁷ http://viewswire.eiu.com/site_info.asp?info_name=social_unrest_table&page=noads&rf=0

14	Ecuador	8.3	7.0	7.7	▲	6.7
16	Angola	6.3	9.0	7.6	▲	5.6
16	Dominican Republic	6.3	9.0	7.6	▲	5.6
16	Ukraine	6.3	9.0	7.6	▲	4.6
19	Bangladesh	7.1	8.0	7.5	▲	4.5

Відповідно до результатів оцінювання на 2009 – 2010 рр. було складено карту на Таблиці 4.

Таблиця 4.

- 5 Індекс політичної нестабільності розраховують дослідники Університету Дж. Мейсона (США). Ці експерти визначають політичний неспокій (political unrest) як «події чи процеси, що становлять поза-парламентську чи поза-інституційну небезпеку для урядів та існуючих політичних порядків». Такі події відбуваються у формі соціальних конфліктів із застосуванням насилля. Разом з тим, політичний неспокій не обов'язково
- 10 приводить до повалення уряду.

Індекс розраховують за 15 індикаторами:

- 1) **нерівність** – рівень розриву доходів між найбіднішими та найбагатшими
 - 2) **історія державності** – сталість процесів державного будівництва з моменту набуття незалежності
 - 3) **корупція** – оцінка стану корупції в країні
 - 4) **етнічна фрагментація населення** – поява підстав для міжетнічних конфліктів
- 15

- 5) **довіра до політичних інститутів** – рівень довіри громадян до ключових політичних інститутів
- 6) **статус меншин** – рівень економічної чи політичної дискримінації меншин
- 7) **історія політичної нестабільності** – наявність традицій, які легітимують політичні заворушення
- 8) **зворушення серед працівників (labour unrest)** – наявність впливових радикальних профспілок
- 9) **якість соціальних послуг** – соціальну забезпеченість розраховують за рівнем смертності немовлят та рівнем смертності
- 10) **оточення країни** – зовнішні геополітичні ризики держави, якість співпраці між державами-сусідами, рівень взаєморозуміння між сусідніми народами
- 11) **тип режиму** – тип режиму за Індексом демократії (демократія – авторитарний режим, консолідована демократія, інституалізована демократія чи гібрид)
- 12) **тип режиму у співвідношенні з поділом на політичні групування** – участь релігійних/етнічних/інших груп у функціонуванні режиму
- 13) **зростання доходів населення** – очікування на зростання і його співвідношення з реальними доходами
- 14) **рівень безробіття**
- 15) **рівень доходу на особу**

20